

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Шота Руставели
Витязь в тигровой шкуре

«Public Domain»

1196

Руставели Ш.

Витязь в тигровой шкуре / Ш. Руставели — «Public Domain», 1196

Эпическая поэма величайшего грузинского поэта Шота Руставели написана о бессмертной любви настоящей дружбе. По праву произведение относится к лучшим образцам мировой средневековой литературы.

© Руставели Ш., 1196

© Public Domain, 1196

Содержание

Четырестрочия вступительные	5
1. Сказ о Ростэване, царе арабском	9
2. Сказ о том, как царь арабский увидел витязя, одетого в барсову шкуру	15
3. Грамота Автандила к его приверженным	24
4. Сказ о том, как Автандил искал Тариэля	26
5. Сказ Тариэля о себе, когда он впервые сказал его Автандилу	40
6. Сказ Тариэля о том, как он полюбил, когда впервые он полюбил	44
7. Первое послание, которое Нэстан-Дарэджан написала своему возлюбленному	48
8. Первое послание, которое написал Тариэль своей возлюбленной	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Витязь в тигровой шкуре

Четырестрочия вступительные

Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной
Людям дух дал бестелесный, – этот мир нам дал в удел.
Мы владеем беспредельным, многообразным, в разном цельным.
Каждый царь наш, в лике дельном, лик его средь царских дел.

Бог, создавший мир однажды. От тебя здесь облик каждый.
Дай мне жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мне, страстным устремленьем, вплоть до смерти жить
томленьем,
Бремя сердца, с светлым пенем, в мир иной снести легко.

Льва, что знает меч блестящий, щит и копий свист летящий,
Ту, чьи волосы – как чащи, чьи уста – рубин, Тамар, —
Этот лес кудрей агатный, и рубин тот ароматный,
Я хвалою многократной вознесу в сияньи чар.

Не вседневными хвалами, я кровавыми слезами,
Как молитвой в светлом храме, восхвалю в стихах ее.
Янтарем пишу я черным, тростником черчу узорным.
Кто к хвалам прильнет повторным, в сердце примет он копьё.

В том веление царицы, чтоб воспеть ее ресницы,
Нежность губ, очей зарницы и зубов жемчужный ряд.
Милый облик чернобровой. Наковальнею свинцовой
Камень твердый и суровый руки меткие дробят.

О, теперь слова мне нужны. Да пребудут в связи дружной.
Да звенит напев жемчужный. Встретит помощь Таризель.
Мысль о нем – в словах заветных, вспоминательно-приветных.
Трех героев звездосветных воспоеет моя свирель.

Сядьте вы, что с колыбели тех же судеб волю зрели.
Вот запел я, Руставели, в сердце мне вошло копьё.
До сих пор был сказки связной тихий звук однообразный,
А теперь – размер алмазный, песня, слушайте ее.

Тот, кто любит, кто влюбленный, должен быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, должен зорко видеть сон,
Быть победным над врагами, знать, что выразить словами,
Тешить мысль как мотыльками, – если ж нет, не любит он.

О, любить! Любовь есть тайна, свет, что льнет необычайно.
Неразгаданно, бескрайно светит свет того огня.
Не простое лишь хотенье, это – дымно, это – тленье.
Здесь есть тонкость различенья, – услышав, пойми Меня.

Кто упорен в чувстве жданном, он пребудет постоянным,
Неизменным, необманным, гнет разлуки примет он.
Примет гнев он, если надо, будет грусть ему отрада.
Тот, кто знал лишь сладость взгляда, ласки лишь, – не любит он.

Кто, горя сердечной кровью, льнул с тоскою к изголовью,
Назовет ли он любовью эту легкую игру.
Лгнуть к одной, сменять другою, это я зову игрою.
Если ж я люблю душою, – целый мир скорбей беру.

Только в том любовь достойна, что, любя, тревожно, знойно,
Пряча боль, проходит стройно, уходя в безлюдье, в сон,
Лишь с собой забыться смеет, бьется, плачет, пламенеет,
И царей он не робеет, но любви – робеет он.

Связан пламенным законом, как в лесу идя зеленом,
Не предаст нескромным стоном имя милой для стыда.
И, бежа разоблаченья, примет с радостью мученья,
Все для милой, хоть сожженье, в том восторг, а не беда.

Кто тому поверить может, что любимой имя вложит
В пересуды? Он тревожит – и ее, и с ней себя.
Раз ославишь, нет в том славы, лишь дыхание отравы.
Тот, кто сердцем нелукавый, бережет любовь, любя.

Той, чей голос – звон свирели, нить свивая из кудели,
Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви.
Мой недуг – неизлечимый. Разве только от любимой
Свет придет неугасимый, – или, Смерть, к себе зови.

Сказку персов, их намеки, влил в грузинские я строки.
Ценный жемчуг был в потоке. Красота глубин тиха.
Но во имя той прекрасной, перед кем я в пытке страстной,
Я жемчужин отсвет ясный сжал оправою стиха.

Взор, увидев свет однажды, преисполнен вечной жажды
С милой быть в минуте каждой. Я безумен. Я погас.
Тело все опять – горенье. Кто поможет? Только пенье.
Троекратное хваленье– той, в которой все – алмаз.

Что судьба нам присудила, нам должно быть это мило.
Неизменно, чтоб ни было, любим мы родимый край.
У работника – работа, у бойца – война забота.
Если ж любишь, так без счета верь любви, и в ней сгорай.

Петь напев четырёхстрочно, это – мудрость. Знание – точно.
Кто от бога, – полномерно он поет, перегорев.
В малословьи много скажет. Дух свой с слушателем свяжет.
Мысль всегда певца уважит. В мире властвует напев.

Как легко бежит свободный конь породы благородной,
Как мячом игрок природный попадает метко в цель,
Так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядет кудель.

Вдохновенный – в самом трудном светит светом изумрудным,
Грянув словом многогудным, оправдает крепкий стих.
Слово Грузии могуче. Если сердце в ком певуче,
Блеск родится в темной туче, в лете молний вырезных.

Кто когда-то сложит где-то две-три строчки, песня спета,
Все же – пламенем поэта он еще не проблеснул.
Две-три песни, он слагатель, но, когда такой даятель
Мнит, что вправду он создатель, он упрямый только мул.

И потом, кто знает пенью, кто поймет стихотворенье,
Но не ведает пронзенья, сердце жгущих, острых слов,
Тот еще охотник малый, и в ловитвах небывалый,
Он с стрелой запоздалой к крупной дичи не готов.

И еще. Забавных песен в пирный час напев чудесен.
Круг сомкнется, весел, тесен. Эти песни тешат нас.
Верно спетые при этом. Но лишь тот отмечен светом,
Называется тот поэтом, долгий кто пропел рассказ.

Знает счет поэт усилью. Песен дар не бросит пылью.
И всему он избылью быть велит усладой – ей,
Той, кого зовет любовью, перед кем блеснет он новью,
Кто, его владея кровью, петь ему велит звучней.

Только ей – его горенья. Пусть же слышит той хваленья,
В ком нашел я прославленье, в ком удел блестящий мой.
Хоть жестока, как пантера, в ней вся жизнь моя и вера,
Это имя в ток размера я поздней внесу с хвалой.

О любви пою верховной – неземной и безгреховой.
Стих об этом полнословный трудно спеть, бегут слова.
Та Любовь от доли тесной душу мчит в простор небесный.
Свет сверкает в ней безвестный, здесь лишь видимый едва.

Говорить об этом трудно. Даже мудрым многочудна
Та Любовь. И здесь не скудно, – многощедро, – пой и пой.
Все сказать о ней нет власти. Лишь скажу: земные страсти

Подражают ей отчасти, зажигая отблеск свой.

По-арабски кто влюбленный, тот безумный. Точно сонный,
Видит он невоплощенной уводящую мечту.
Тем желанна близость бога. Но пространна та дорога.
Эти прямо, от порога, достигают красоту.

Я дивлюсь, зачем, бесправно, то, что тайна, делать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь – стыдить?
Всякий срок здесь – слишком рано. День придет, не тронь
тумана.
О, любовь – сплошная рана. Рану – нужно ль беречь?

Если тот, кто любит, плачет, это только то и значит,
Что в себе он жало прячет. Любишь, – знай же тишину.
И среди людей, средь шума, об одной пусть будет дума.
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби одну.

1. Сказ о Ростэване, царе арабском

Был в Арабии певучей царь от бога, царь могучий,
Рати сильного – как тучи, вознесенный Ростэван.
Многим витязям бессменный знак и образ несравненный,
Птицезоркий, в зыби пенной все увидит сквозь туман.

Был красивым он и в слове. Дочь имел, дитя любви:
Солнце – очи, ночи – брови, вся – звезда среди светил.
Петь о деве пышнокудрой может разве только мудрый,
Облик девы чернокудрой многих вмиг поработил.

Кто на это солнце глянет, вдруг ее рабом он станет,
Сердце, душу, ум заманит та, чье имя Тинатин.
Да навек пребудет славным, средь столетий полноправным,
Это имя, солнцеравным, будет имя – властелин.

Царь, когда красы царевны в возраст влились полнопевный,
Созвал знатных и, безгневный, посадил вокруг себя.
Молвил: «Вот предмет совета. Роза знает время цвета.
Отцвела, – нет больше лета, – сохнет, венчик свой дробя.

Солнце всходит и садится. Село, смотрим, тьма дымится.
Ночь безлунная клубится. День исчерпан мой сполна.
Потускнела позолота. Старость – груз. Нет горше гнета.
Вот умру – одна забота. И дорога всем – одна.

Где же свет, что тьму просветит? Пусть ваш разум мне ответит.
Пусть венец чело отметит светлой дочери моей».
Все ответили, вздыхая: «Речь твоя зачем такая?
Роза, даже отцветая, всех душистей и светлей.

И ущербный месяц ясен. Луч звезды вполне прекрасен, —
Спор звезды с луной напрасен. Так, о, царь, не говори.
От тебя и злое слово – всем нам крепкая основа.
Лик же солнца золотого, дочь твоя, светлей зари.

Дай ей царство, дай царенье. Быть женой ей назначенье.
Но от бога смысл правленья ей указан с вышины.
Отлучался ты когда-то, – и сияла без заката.
Уж когда в пещере льявта, – львица, лев вполне равны».

Автандил вождя был сыном. Он в изяществе едином
Кипарисом по долинам между стройными блистал.
Как хрусталь был знаменитый, звездной шествовал орбитой,
С Тинатин мечтою слитый, без нее он увядал.

Как цветок среди тумана, страсть была в нем скрытой раной.
Роза страсти, вновь румяна стала, чуть предстал пред ней.
О, любовь есть истязанье. Тот, кто любит, весь – терзанье.
Все ж он жаждет приказанья углем стать среди огней.

В час как деве безгреховой царь велел, беспрекословный,
Власти дар приять верховный, веселился Автандил:
«Тинатин – как блеск запястья. Ей пристойно полновластье.
Видеть солнце, – это счастье, лик ее – источник сил».

Царь, как мрак дробя алмазом, повелел своим приказом:
«Да пребудет царским глазом, царской волей Тинатин.
Приходите все арабы. В похвалах не будьте слабы.
Здесь – сверканье, и когда бы ночь была, она – рубин».

Все арабы приходили. Знатных блеск умножен в силе.
Видит крепость в Автандиле многотысячность бойцов.
Весь порядок воинств явлен. И когда был трон поставлен,
Всем народом он прославлен: «Свет его превыше слов».

Тинатин, лицом сияя, воле царской послушая,
Вся горела, золотая, и венец он возложил,
Скипетр дал он чернобровой, дал ей царские покровы,
И она звездою новой воссияла средь светил.

Царь ушел, воздав почтенье. Вознеслись благословенья.
Были молвлены хваленья. Звон кимвалов с звуком труб.
Новый царь с лицом царицы был как в тучке лик денницы —
Цвета ворона – ресницы, пурпур зорь – изгибы губ.

Мнится ей, что недостойна трон отца занять, и стройно
Стан склоняет, беспокойно слезы льет, как дождь в саду.
И отец, увещевая, молвит: «Чадо – жизнь двойная.
Мне равна ты, дочь родная. Я в огне, и я в бреду.

Ты не плачь, как цвет в долине. Царь Арабии ты ныне.
Горный замок на вершине. Будь же зоркой и цари.
День ко всем выходит алым. Так и ты будь доброй к малым.
Кто наклонится к усталым, тот умножит алтари.

Будь открытой милосердью. Будь как бы щедротной твердью.
Знай, что доброму усердью подчиняются сердца.
Свяжет вольных – свет во взоре. Будь такою же, как море, —
Реки скрыв в своем просторе, влагу жертвуй без конца.

Расточая вдвое, втрое, расцветешь ты как алоэ,
Это древо вековое, чье в Эдеме бытие.
Щедрость – власть, как власть закала. Где измена? Прочь бежала.
Что ты спрячешь, то пропало. Что ты отдал, то твое».

Дева слушает с вниманьем те слова, что дышут знаньем,
Всею отцовским увещаньям у нее привет один.
Царь и пьет, и веселится. Нет причин ему затмиться.
Солнцу хочется сравниться в блеске с светлой Тинатин.

За своим дворецким старым шлет, чтоб шел он с пышным даром,
Чтоб в даяньи щедро – яром истребил сполна казну.
«Все неси. Всего мне мало». И без меры раздавала.
Не гадала, не считала. «Никого не обману».

Все дары, что знала с детства, собирала с малолетства,
Все блестящее наследство в день единый раздавала.
Ей отцовская наука – достоверная порука.
Как стрела летит из лука, так поспешною была.

«Всех мулов, ослов ведите». Повелела пышной свите:
«Дорогих коней явите». Топот, ржанье, кони тут.
Блещет шелк. Толпой солдаты, царской милостью богаты,
Веселятся, как пираты, как разбойники берут.

Точно турок в горных срывах бьют, – и нет числа счастливых.
Рой арабских пышногривых легконогих мчат коней.
Разметалась, отдавая, словно буря снеговая: —
Стар ли, дева ли молодая, были все богаты в ней.

День прошел. Был пир веселый. Пили, ели, точно пчелы.
На цветах. Один, тяжелой думой царь был омрачен.
С наклоненной головою он сидел перед толпою.
Шепот шумной шел волною: «Отчего печален он?»

Крася ликом пир медовый, властный в бой вести суровый,
И как лев скакнуть готовый, солнцеликий Автандил
Был с Согратом знатным рядом, и его проворным взглядом
«Почему так чужд отрадам царь?» он быстро спросил.

«Верно, мысль пришла какая, неприветная и злая», —
Отвечал Сограт, вздыхая: «Горя – нет, и весел – час».
Автандил сказал: «Так спросим. Слово шуточное бросим.
Мы без пользы тяжесть носим. Почему стыдит он нас?»

Автандил с Согратом встали, кубки полные им дали,
И веселые упали на колени пред царем.
Говорит Сограт шутливый: «Царь, ты точно день дождливый,

Нет улыбки, нет красивой на немом лице твоём».

И добавил он лукаво: «Впрочем, сердце в скорби право:
Дочь твоя – она забава, все богатства роздала.
Не давай ей пышной части, и, лишивши царской власти,
Упасешься от напасти и уволишься от зла».

Усмехнулся царь. Такого ожидать не мог он слова.
На советчика скупого все же глянул он светло.
«Я ценю твое раченье. И достоин ты хваленья.
Но скупое попеченье никогда ко мне не шло.

Нет, не в том моя забота. Старость близится, дремота.
И остаться не охота без достойного бойца.
Дней увяло все цветенье, и не передал уменя
Быть бойцом без посрамленья никому я до конца.

Это правда, дочь имею, холил дочь, обласкан ею.
Все ж я сына не лелею. Не дал бог. И нет уж сил.
Кто здесь луком отличится? Или в мяч со мной сразится?
Автандил едва сравнится, ибо я его учил».

Гордый, юный, весь – стремленье, слушал эти восхваленья.
И с улыбкою смиренья затаил он торжество.
Как улыбка та пристала к лику юного, где ало
Рот горел, – как снег блистала белизна зубов его.

Царь спросил: «Чего смеешься? И чего ты робко жмешься?
Ну, зачем не отзовешься? Или я тебе смешон?»
Юный молвил: «Разрешенье дай сказать мне, в оскорбленье
Не вменяя дерзновенье. Да не буду осужден».

Царь ответил: «Молви слово. Не приму его сурово.
Скрепа клятвы – святость крова, имя светлой Тинатин».
Автандил сказал: «Так смело молвлю: хвастаться не дело,
Но моя б стрела поспела в цель верней, о, властелин.

Под твоими я ногами прах. Но, меряясь стрелами,
Буду первый, – пред полками эту клятву я даю.
Кто со мной в стрельбе сравнится? Ты сказал. Тут что ж судиться.
Может этот спор решиться лишь с мячом, с стрелой, в бою».

Царь сказал: «Не будем вздорить, на словах не стану спорить.
Дайте лук. Чье имя вторить будут после, так решим.
Пред свидетелями в поле будем мы на вольной воле,
Там о нашей молвят доле: кто ловчей, победа с ним».

Автандил повиновался. И на том их спор прервался.
Каждый весел был, смеялся. Чуждым был им взгляд косой.

Был заклад меж них скрепленный: тот, кто будет побежденный,
С головою обнаженной, три он дня ходи такой.

И двенадцать слуг примерных царь призвал для этих верных
Состязаний беспримерных, чтоб давали стрелы им.
«Пусть двенадцать их за мною за любой следят стрелою.
Шермадин один с тобою, хоть один, он несравним».

Ловчим молвил: «По равнинам, как гроза стадам звериным,
Соберитесь, и единым обоймите их кольцом.
Пусть помогут вам солдаты». Пир окончен, пир богатый.
Были вина, ароматы, и веселье за столом.

Автандил, чуть солнце встало, был одет уж в цвет коралла,
Лик рубина и кристалла в золотом горел огне.
Под покровом златовейным, весь он был цветком лилейным.
Так явился чудодейным он на белом скакуне.

Царь разубран знаменито. Весь народ кругом как свита.
Поле воинством покрыто. Всяк охоту видеть рад.
Многоокая облава. Смех, и шутки, и забава.
На кого-то глянет слава? Будут биться об заклад.

Царь велит готовить стрелы, чтоб во все послать пределы.
Счет велит им делать смелый, всех ударов верный счет.
И рабов двенадцать верных ждет тех выстрелов примерных.
Будут стрелы в козах, в сернах. Отовсюду дичь идет.

Без числа стада, как тени. Быстроногие олени.
Скачут козы в белой пене. Мчатся дикие ослы.
Чудо видеть – и какое! Бег напрасен, – бьют их двое.
Тетиве не спать в покое, многократен свист стрелы.

Топчут конские подковы пыль. Покров встает суровый.
Солнце скрыл. А в жертве новой, просвистав, дрожит стрела.
Кровь течет по шерсти белой. Новый свист, несутся стрелы,
Дрогнет зверь и, онемелый, рухнет, – сразу жизнь ушла.

Если ж кто стрелой лишь ранен, прочь бежит, но бег обманен,
Нет исхода, неустанен этот ток разящих стрел.
И не зеленью, не новью, все поля покрылись кровью,
Бог, исполненный любовью, в небе гневом возгорел.

Кто смотрел на Автандила, как рука его стремил
Ход стрелы, как верно била, как к нему кругом все шло,
Видя зрелище такое, сердце словом тешил вдвое:
«Он прекрасен, как алоэ, что в Эдеме возросло».

Минул день, зверям печальный. Смерян бег равнины дальней.

На краю поток хрустальный об утес волну дробил.
В темной чаще звери скрылись. Кони там бы не пробились.
Отдыхали, веселились Ростэван и Автандил.

Нет предела их утехам. И один сказал со смехом:
«Метче я!». Другой же эхом: «Метче я!» – сказал в ответ.
И зовут двенадцать верных. «Чьих же больше стрел примерных?
Счет чтоб был из достоверных. Правда – сплошь, а лести – нет».

Отвечают: «Затемненья правде нет, и, без смягченья,
Ты не выдержишь сравненья, царь, тебе враждебен счет.
Хоть убей нас, нет нам дела, но тебе мы скажем смело:
Где его стрела летела, зверь ни шагу там вперед.

Всех две тысячи убили. Двадцать лишку в Автандиле
Смерть нашли. В той меткой силе промах луку незнаком.
Как наметит, так уж строго – зверю кончена дорога.
А твоих собрали много стрел, рассыпанных кругом».

Царь смеется, смех кристален. Злою мыслью не ужален,
Он ничуть не опечален. «Что ж, победа не моя».
За приемного он сына рад, в том счастье, не кручина.
Любит сердце – что едино, любит роза соловья.

Миг вкушая настоящий, вот сидят они у чаши.
Как колосьев строй шуршащий, смотрит воинов толпа.
Возле них двенадцать смелых, ни пред чем не оробелых.
Видно, как в лесных пределах вьется водная тропа.

2. Сказ о том, как царь арабский увидел витязя, одетого в барсову шкуру

На опушке, над потоком, в тоскованьи одиноком,
Странный витязь был, в глубоком размышленьи над рекой.
За поводья вороного он коня держал, и снова
Слезы лились из немого сердца, сжатого тоской.

Как небесными звездами, все сияло жемчугами,
Млели нежными огнями и доспехи и седло.
Был как лев он, но стекали слезы, полные печали,
По щекам, где розы вяли, а не искрились светло.

Был в кафтан одет он бурый, сверху ж барсовою шкурой,
И сидел он так, понурый, в шапке барсовой склонясь.
Толстый хлыст в руке был зримым. Так сидел он нелюдимым.
Точно был окутан дымом, весь – волшебный, весь – томясь.

Раб идет к нему с вопросом от царя, но пред утесом
Вид тех слез, подобных росам, точно стать ему велел.
Пред такою силой горя замолчи, или не споря,
Плачь, как плачет в пропасть моря дождь, узнавши свой предел.

Раб в великом был смущеньи, трепетаньи и сомненьи,
И смотрел он в удивленьи на печального бойца.
«Царь велит прийти», – сказал он наконец, вздыхал и ждал он.
Витязь нем, и не слышал он, не поднимет вверх лица.

С наклоненным книзу ликом, весь в забвении великом,
Не внимал окружным крикам, изливал с слезами кровь.
Длил он странные рыданья, трепетал в огне сгоранья,
Нет терзаньям окончанья, слезы льются вновь и вновь.

Свеян ум его куда-то. Мысль его свинцом объята.
Раб идет путем возврата, не добившись ничего,
Снова царское посланье повторял, но нет вниманья,
Никакого нет вещанья розоцветных губ его.

Раб вернулся без ответа: «На мои слова привета
Он был глух. Мой взор от света солнца яркого погас.
Я жалел его невольно. Сердце билось больно-больно.

Вижу, ждать уже довольно, протомился целый час».

Царь дивился. Дивованье перешло в негодование.
Изрекает приказанье он двенадцати рабам:
«Вы оружие берите, всей толпой к нему идите
И скорее приведите мне того, кто медлит там».

Исполняя приказанье, вот рабы идут. Шуршанье
Слышно ног, звенит бряцанье их доспехов. Витязь встал,
Весь в слезах еще. Но взором вскинул. Видит, тесным хором,
Люди с воинским убором. Вскрикнув: «Горе!» замолчал.

Вытер он глаза руками, укрепил колчан с стрелами,
Меч с блестящими ножнами. Вот на быстром он коне.
Что ему – рабы, их слово? Направляет вороного
Прочь куда-то, никакого им ответа, – он во сне.

Тут, его схватить желая, вмиг – к нему толпа живая,
Вот рука, и вот другая устремилась. Смерть им в том
Одного он о другого раздробил, рукою снова
Чуть махнул, убил, иного до груди рассек хлыстом.

Пали трупы вправо, влево. Царь кипит, исполнен гнева.
Он кричит рабам, но сева Смерти – жатва собрана.
Юный даже и не глянет на того, кого он ранит.
Кто домчится, мертвым станет, участь всем пред ним одна.

Царь разгневан, горячится, на коня скорей садится.
С Автандилом вместе мчится, чтоб надменного настичь.
Но, как в искристом тумане, как на сказочном Мерани,
Не принявши с ними брани, он сокрылся, кличь не кличь.

Увидав, что царь в погоне, что за ним несутся кони,
Он, в мгновенной обороне, вдруг, хлестнув коня, исчез.
Точно в пропасть провалился или в небо удалился,
Ищут, нет, и след сокрылся. Ничего. Как в мгле завес.

Хоть следов копыт искали, – нет, исчез в какой-то дали.
Словно призрак увидали, призрак был один лишь миг.
По убитым плачет кто-то. И о раненых забота.
Молвил царь: «Пришла работа. Видно, злой нас рок настиг».

Он сказал: «Всех дней теченье было только наслажденье.
Бог изведаль утомленье – видеть счастье без конца.
Вот и стал восторг обманен, – как и все, непостоянен, —
Я всевышним насмерть ранен, отвратил он свет лица».

Так вернулся он, угрюмый, затенен печальной думой.
Вмиг забыты были шумы состязаний и пиров.

Стон кругом сменялся стоном. Грусть царя была законом.
Не приученный к препонам, дух легко упасть готов.

Ото всех сокрытый, в дальней царь сидел опочивальне,
Размышлял он все печальней, что погас веселья свет.
Видел только Автандила. Все рассеялись уныло.
Арфа вздохи не струила, стук не слышен кастаньет.

Тинатин о той потере счастья слышит. В полной мере
Чувство в ней. Она у двери. И к дворецкому вопрос:
«Спит ли он или не спит он?» Тот в ответ: «В тоске сидит он.
И ни с кем не говорит он. Стал он темен, как утес.

Автандила лишь как сына приняла его кручина.
Витязь в этом всем причина, странный витязь на пути».
Тинатин рекла: «Уйду я. Но коль спросит он, тоскуя,
В тот же час к нему приду я, как велит к себе прийти».

Царь спросил: «Где та, в которой ключ живой, что точит горы,
Свет любви, что тешит взоры?» Был ответ ему тогда:
«К бледной, к ней, достигло слово, что печаль в тебе сурова.
Здесь была. И будет снова. Лишь скажи, придет сюда».

Царь сказал: «Скорей идите, и ко мне ее зовите.
Лишь в одной жемчужной нити красота всегда светла.
Пусть отцу вернет дыханье. Пусть излечит тоскованье.
Ей скажу, о чем терзанье, отчего вдруг жизнь ушла».

Вняв отцовское веленье, Тинатин, как озаренье,
Полнолунное виденье, перед ним блестит красой.
Он ее сажает рядом, смотрит полным ласки взглядом,
И целует, и к отрадам вновь открыт своей душой.

«Почему не приходила? Или звать мне нужно было?»
Дева кротко возразила: «Царь, когда нахмурен ты,
Кто дерзнет к тебе явиться? Пред тобой и день затмится,
Пусть же ныне разрешится этот скорбный дым мечты».

Он сказал: «Родное чадо! Быть с тобой моя услада.
Грусть прошла, ты радость взгляда, точно зелья ты дала,
Чтоб рассеять муку властно. Но, хоть я терзался страстно,
Знай, не тщетно, не напрасно мысль к печальному ушла.

Повстречался мне безвестный витязь юный. Свод небесный
Был красой его чудесной словно радугой пронзен.
Я не мог узнать причины слез его, его кручины.
Хоть в красе он был единый, но меня разгневал он.

Чуть ко мне метнувши взором, вытер слезы, скоком скорым

На коня вскочил, – я спорым овладеть велел, но вмиг
Разметал моих людей он. Кто он? Дьявол? Лиходей он?
Я без слова был осмеян. Вдруг исчез, как вдруг возник.

Был ли он иль нет, не знаю. Горький ад на смену раю
Я от бога принимаю. Прошлых дней погашен свет.
Этой скорби не забуду, не бывать такому чуду,
Сколько дней я жить ни буду, мне веселья больше нет».

В голос звук вложив напева: «Соизволь, – сказала дева,—
Слово выслушать без гнева. Обвинять нам хорошо ль
Этот промысел всезрящий? Бог и к мошке добр летящей.
Если он раскинул чащи, разве в них он дал нам боль?»

Если витязь был телесным, не видением чудесным,
На земле другим – известным он, конечно, должен быть.
Встанет весть, придет к нам слухом. Если ж он лукавым духом
Был и скрылся легким пухом, что ж тоской себя губить.

Вот совет мой, повелитель: над царями ты правитель.
Зри кто хочет, – где тот зритель, чтобы твой измерил свет?
Так пошли людей, – пусть ищут, целый мир пускай обрыщут.
Уж они ответ отыщут, смертный это или нет».

Царь зовет гонцов проворных, между лучшими отборных,
Чтобы в поисках дозорных не жалели ни труда,
Ни стараний, ни усилий, чтобы каждого спросили,
Где тот витязь, гордый в силе, и чтоб шли скорей туда.

Вот гонцы в далекой дали. Целый год они блуждали.
Никого не увидали, кто бы витязя встречал.
Все напрасны вопрошанья. Бесполезны их исканья.
Были долги их блужданья, – был успех их вовсе мал.

Пред царем рабы предстали. Преисполнены печали,
Так его оповещали: «Хоть искали мы везде,
Труд бесплоден был, хоть честен, – нам скорбящий лик уместен,
Никому он неизвестен. Укажи, искать нам где?»

Молвил царь: «Мне дочь сказала правду. В скорби смысла мало.
Здесь змея являла жало, – это был нечистый дух.
Мне мой враг был с неба свеян, это им я был осмеян.
Да блудит среди затей он, – чист мой взор и волен слух».

Позабыт им дух лукавый. Снова игры и забавы.
Песнопевец ищет славы. Закрутился акробат.
Юным царь велел и старым веселиться. Светлым чарам
Нет предела. Царским даром не один опять богат.

Автандил – полуодетый. Вкруг него играют свету.
Арфы звон и песни спеты. Вдруг гонец от Тинатин,
Черный раб в его покое: «Та, чей образ – лик алоэ,
Шлет веление такое: к ней иди, о, господин».

Светлой вестью очарован, Автандил встает, взволнован.
Тот наряд, что облюбован, самый лучший, он надел.
Видеть розу, быть с любимой, в том восторг незаменимый.
С красотой несравнимой быть – пленительный удел.

Автандил идет к ней смело. Ни пред кем не оробела
Мысль его. И пусть горела много раз слеза о ней,
Хочет видеть лик певучий той, чье пламя – свет горячий
Молний, рвущихся из тучи, кто горит луны сильней.

Та жемчужина жемчужин. С горностаем свет тот дружен.
Смотрит взор обезоружен. Ткань на нежной – без цены.
Сердце жгущие ресницы – словно ночь вокруг зарницы.
Шея млечна у царицы, косы тяжкие черны.

Хоть одета в свет коралла, но печали не скрывала,
Автандила привечала, сесть велит ему она.
Юный сел пред ней смиренно. Сердце любит, сердце пленно.
Взор во взор глядит забвенно. Мысль усладой зажжена.

Витязь молвит: «Ты, золотая, светишь, страхи рассевая.
Вот, я нем. В зарю вступаю, месяц солнцем вмиг сожжен.
Я не мыслю на досуге. Я не вихрь на вольном луге.
Но в каком волшебном круге, чем твой грустный ум смущен?»

Вот изящными словами, выбрав их, как меж цветами
Те, что ярче лепестками, привлекают больше глаз,
Дева молвит: «Хоть со мною не одною ты стеною
Разделен, но я, не скрою – страх твой странен мне сейчас.

Но скажу сперва пред другом, чем терзаюсь, как недугом.
Помнишь день, когда над лугом, близ утеса, над рекой,
Над водой реки хрустальной некий витязь был печальный,
Как слезу с слезой хрустальной лил он, мучимый тоской,

С той поры томлюсь всегда я. Мысль о нем, не уставая,
Жалит, жалит, точно злая бысролетная оса.
Знаю я, что ты из смелых. Так ищи его в пределах.
Всей земли – до тучек белых, что восходят в небеса.

Сердце в чувстве сердцу радо. Хоть меж нас была преграда,
Но без слов, лишь силой взгляда, увидала ясно я,
В одиноком отдаленьи, что в любовном ты плененьи,
Что горишь в изнеможеньи, и дрожит душа твоя.

Видим зорко мы друг друга. Будет мне твоя услуга
Точно витязю кольчуга, – и к тебе идет она.
Ты ведь витязь несравненный. И, любя, ты любишь, пленный.
Витязь тот – твой брат забвенный. Мысль искать его должна.

Ты любовь мою удвоишь. Скорбь мою ты успокоишь.
Злого демона укроешь. И фиалками маня,
Свеешь розы, расцветишься. И потом ты озаришься.
Лев, ты к солнцу возвратишься, встречу, встретишь ты меня.

Так ищи же мне в угоду. Трижды год уйдет пусть к году.
Но не канул же он в воду. Если ты найдешь его,
Приходи, увенчан славой. Если ж нет, он дух лукавый.
К розе нежной холод ржавый зла не светит своего.

Мой расцвет не затемнится. О, клянусь, любовь продлится.
Пусть хоть солнце воплотится, мужем став, – с ним сердце слив,
Преисподняя пусть злая отсечет меня от рая,
В сердце мне любовь, терзая, смертью внидет, нож вонзив».

Витязь молвил: «Лик денницы! Почему дрожат ресницы?
Почему агат царицы в трепетаньи огнем?
Заслужил ли подозренье? Смерти ждал, – и жить веленье
Получил. В повиновеньи буду я твоим рабом».

Он сказал еще: «Златая! Ты заря, ты солнце рая.
Бог всевышний, создавая, быть тебе здесь солнцем дал.
Ты велишь, – идут планеты. Весь тобой я в блеск – одетый.
Мой цветок, живые свету взяв в себя, пребудет ал».

Луч – к лучу, и к слову – слово. Вот они клянутся снова.
Сердце нежное – медово, и любовь подтверждена.
Все минувшие печали чем-то очень легким стали.
Зубы белые блистали, как от молний – вышина.

О, какая им утеха – быть вдвоем, как с эхом эхо,
Средь веселья, шуток, смеха, говорят о ста вещах.
Молвит он: «Тебя, златая, можно знать – лишь ум теряя.
Сердце вспыхнуло, сгорая, сердце – пепел, жгучий прах».

Но пришел конец усладам. Он прильнул к кристаллу взглядом.
Побледнел, и слезы градом. Хоть ушел, да не ушел.
Незнакомое с обманом, сердце он, в гореньи рьяном,
Отдал сердцу. Так к румяным розам льнут касанья пчел.

Он сказал себе: «Златая! Вот уже разлучность злая.
И рубин мой, увядая, стал желтее янтаря.
Без тебя как быть в разлуке? Но стрела готова в луке.

В честь любимой сладки муки. Смерть приму – тобой горя».

Он в постели, сны мнутся. Брызги слез обильно льются.
Так листки осины быются, как, скорбя, он трепетал.
Странен уху шорох каждый. Дух его исполнен жажды.
Стала пытка пыткой дважды, – сон о ней он увидал.

В том терзаньи отлученья – ревность, помыслы, мученья.
Слез горячих истечение – словно нитка жемчугов.
Но тревожный сон напрасен. Брезжит день, – он снова ясен.
На коне своем, прекрасен, едет, путь принять готов.

За дворецким в зал приемный посылает, и хоть скромный,
Но в стремленьи неумный, он царю реченье шлет:
«Мысль мою, о, царь, не скрою: Ты царишь над всей землею.
Весть о славе, взятой с бою, да ко всем кругом придет.

В путь пойду и не устану. Воевать с врагами стану.
Если недруг, в сердце рану нанесу в честь Тинатин.
Непокорный да смутится, а покорный веселится.
Ток даров не прекратится. Да горит огнем рубин».

Изъявив благодаренье, царь ответил: «Лев! Стремленье
Рук твоих – всегда в сраженье. Смелость молвит твой совет.
В путь иди, в страну чужую, позволение я дарую.
Но, коль ты разлуку злую будешь длить, мне счастья нет».

Пред лицом царя представши и почтение воздавши,
Витязь молвит: «Услыхавши звук похвал, я изумлен.
Сколько счастья в этом звуке. Легче с ним – расстанья муки.
Бог уменьшит час разлуки. Светлый лик твой – мне закон.

Мысль свидания лелею». Царь упал к нему на шею.
С полной нежностью своею в нем он сына целовал.
Нет таких, как эти двое. Бьется сердце в них благое.
Засветило ретивое в Ростэване слез кристалл.

Вот уходит витязь смелый в чужеземные пределы.
Двадцать дней уж день он белый с черной ночью слил в одно.
В ней, златой, восторг вселенной, клад сокровищ сокровенный,
С Тинатин он мыслью пленной, ею сердце зажжено.

Входит в горы, входит в доли. Чуть он где, там пир веселый.
Речи вьются, точно пчелы. Все приносят щедрый дар.
Солнцеликим, светловзорым, в переходе этом скором,
Слух склоняя к разговорам, он не медлит в свете чар.

У него была твердыня. Замок горный на вершине.
Три он дня там медлит ныне. Шермадин – как верный с ним.

Вся душа его, вся сила, сердце все – для Автандила.
Но ему неизвестно было, тот горит огнем каким.

Витязь молвит Шермадину: «Стыдно мне, но стыд содвину.
Я скрывал свою кручину. Но теперь откроюсь, верь.
Были пытки, были грозы. Я ронял несчетно слезы.
Но от той жестокой розы – луч отрады мне теперь.

К Тинатин моя истома. К ней любовь, о ней вся дрема.
Без конца у водоема слезы к розе лил нарцисс.
Боль открыть не мог доныне. Я томился как в пустыне.
Но теперь конец кручине. Упованья мне зажглись.

Мне сказала: «Неустанный, ты ищи, где витязь странный.
А когда вернешься, жданный, сердцем все возьмешь свое.
Ты как цвет к цветку над лугом. Лишь тебя возьму супругом».
Пусть утрачу счет услугам. Раб, да вознесу ее.

Я ведь витязь, – так прилично мне служить ей безгранично.
Верность трону лишь обычна. Раз слуга, служи вовек.
Взяв ее бальзам сладимый, стих пожар неукротимый.
Если ж в даях беды зримы, встретить их, встретить – как человек.

Между всех кто подчиненный, ты один мне приближенный.
Связан дружбой неуклонной я с тобою. Потому
Над моею всей дружиной, ты, владыка, будь единый,
Лишь тебе тот рой орлиный я доверю одному.

Правь же твердою рукою. Для бойцов, идущих к бою,
Ты пример являй собою. И к двору посланья шли.
И в дарах будь вне сравненья. Будь мое здесь повторенье,
Чтоб мое исчезновенье и заметить не могли.

Мною будь в военной славе и в охотничьей забаве.
Так три года, честно правя, тайну свято сохраняй.
Может быть, мое алоэ будет цвести себе в покое.
Если ж встречу роковое, плачь по мне, скорби, вздыхай.

Шли царю оповещенье, что, увы, пришло затмение.
Будь как пьян от огорченья. «Нежеланна смерть, – скажи,—
В край, откуда нет возврата, он ушел». Сребро и золото,
Все раздай, чем жизнь богата, и ничем не дорожи.

Так поможешь мне – отменно. Пусть погибнет то, что бrenно.
Но про душу, неизменно помня, медли забывать.
Сон и смерть – в черте соседства. Вспомни наше малолетство,
И, мое вспомнив детство, сердцем будь ко мне как мать».

Слышит раб – и весь слезами залился, как жемчугами.

Меркнет взор его, огнями беспокойными сквозя.
«Сердце ль будет веселиться, коль тебя оно лишится?
Но, когда твой дух стремится, удержать тебя нельзя.

Мне велишь принять господство. У меня какое ж сходство
Есть с тобою? Превосходство вижу мысли я другой —
Будешь ты один, я внемлю. Лучше ж пусть уйду я в землю.
Но разлуки не приемлю. О, возьми меня с собой!»

Витязь молвил: «Все сомненья прочь отбрось без промедленья.
Тот, кто любит, в ком томленье, пусть лишь в обществе своем
Он тоскует, бродит, бьется. Жемчуг даром ли дается?
Кто ж изменник, да сметется, в сердце раненный копьем.

Тайны кто моей достоин? За тебя же я спокоен.
Будешь верным мне как воин. Укрепляй оплот твердынь.
Враг забудет приближенье. И, быть может, дней теченье
Принесет мне возвращенье. Боже, вовсе не покинь.

Рок, губя, не знает счета, сто ли здесь, один ли кто-то.
Духов благостных забота не оставит. Верь судьбе.
Не вернусь я в срок трехлетний, — ткань надень темней,
бесцветней.
Чтоб почтен ты был приветней, дам я грамоту тебе».

3. Грамота Автандила к его приверженным

Пишет к верным витязь славный: «Вы, чей дух, всегда исправный,

Приказаньям, тенью равной, внявши, верил и служил, —
Здесь мой голос, полнозвучно, да прочесть не будет скучно,
Я пишу собственноручно, прах пред вами, Автандил.

Вы, наставники, внемлите. Вы, приверженцы, склоните
Слух. Вы, юноши, спешите мне внимать, собравшись в круг.
Я хочу, на дней теченье, только петь, побыть лишь в пенье,
А дневное прокормленье – руки мне дадут и лук.

Я одно замыслил дело. И до дальнего предела
Я один направлюсь смело. Буду странствовать я год.
Я прошу лишь о едином: если враг к моим дружинам
Подойдет разящим клином, – верный пусть отпор найдет.

Повинуйтесь Шермадину все, как мне, как господину.
Как отец сияет сыну, будет солнцем он для вас.
С ним и роза не завянет, никого он зря не ранит,
Если ж злой кто, воском станет и растопится сейчас.

Вам известно, как росли мы, тем же чувством единимы.
Он как брат мне, сын любимый. Он второй вам Автандил.
Рог – ему. Его веленья да свершат без промедленья.
Если ж нет мне возвращенья, пусть бы каждый погрузил».

Свиток с выбором богатым слов, сияющих закатом.
Препоясался он золотом, и чтоб ехать одному,
Приготовился. Дружины строй построили единый.
«Я поеду вдоль равнины», – молвил он, не ждал в дому.

Он не хочет быть с бойцами. Расстается он с рабами.
Поспешает тростниками. Хочет быть теперь один.
Никого ему не надо. Грусть в пути ему услада.
Есть жестокая для взгляда солнце-роза, Тинатин.

В ликованьи одиноком конь промчался полным скоком.
Вот уж он невидим оком. И кругом не взглянет он.
Кто бы с ним не повстречался, меч его не засвечался.
Ибо сумрак в нем качался, нежной грустью осенен.

А бойцы его, в печали, все властителя искали,
Но нигде им не сверкали блески жданного лица.
Лица их в тоске бледнели. Где он? Где? В каком пределе?
И того, кого хотели, тщетно ищут без конца.

Лев! Кого на месте львином бог поставит господином?
Шел тот возглас по дружинам. Ищут там и ищут тут.
Вопрошают, слышат вести: «Образец высокой чести,
Нет его, но был в том месте». И дружины слезы льют.

Всех воителей отборных, благородных и придворных,
Для решений договорных Шермадин сзывает в круг.
Им он грамоту читает, каждый слышит и рыдает,
Каждый грудь себе терзает, точно в тяжкий впал недуг.

Все сказали: «Без него мы – будем кем иным ведомы?
Он тебя в свои хоромы с должным правом посадил.
В чем ни будет повеленье, наше в нем повиновенье».
И решению хваленье воздают по мере сил.

4. Сказ о том, как Автандил искал Тариэля

Есть свидетельство писанья, что достойно состраданья
Видеть тленье увяданья в розоцветных лепестках.
Роза нежная румяна – пред рубином Бадахшана,
Но от едкого тумана алый цвет – морозный прах.

Автандил, в тоске беззвучной, по равнине едет скучной,
Стук копыт четырехзвучный беглеца уносит вдаль.
За арабские пределы он уехал, онемелый,
Грусть его – как колос спелый. «Близ нее прошла б печаль».

Свежий снег упал с морозом. Жало изморози – розам.
Сердце, отданное грозам, он хотел пронзить не раз.
«Рок умножил в девяносто раз печали, даже до ста»,
Он промолвил: «Это просто неизбежность. Горький час.

Уж забыл я ликованье, арф и звонких лир бряцанье
И свирели напеванье, той, чье имя нежно, най».
Так в печали безответной вянет пламень розоцветный.
Но в сердечной мгле заветной молвил он: «Не унывай».

Так не вовсе он туманным был в томленьи нежеланном.
По местам он ехал странным, не теряя час в домах.
Спросит тех, кто на пороге, и кого встречал в дороге.
Взоры грустного не строги – будит ласку он в сердцах.

Ищет он того, чье горе током слез наполнит море.
Прах – постель ему в просторе, а подушкой – рука.
И в разлуке с дорогою мыслит: «Сердцем я с тобою.
Но желанней мне, не скрою, смерть, чем жгучая тоска».

По всему лицу земному, по простору мировому,
По всему его объему он блуждал, не найден след,
И ни с кем он не спознался, кто б с тем витязем встречался.
Срок в три месяца остался, – и трех лет уж больше нет.

Прибыл он к стране безлюдной, неприветливой и скудной.
Проезжал дорогой трудной. Не встречал он никого.
Только скорбь в стране пустынной. Только ряд сомнений
длинный.
Вечный помысел кручинный об избраннице его.

Он достиг в пути до склона мощных гор. Кругом – зелено.
Многолиственное лоно опускалось к воде.
Лес вокруг, а там равнина. Но пред ней бежит пучина.
Путь в семь дней возьмет ложбина. Но не виден мост нигде.

Круговым путем блуждая, и со вздохом дни считая,
Счел, что в сроках всех до края – лишь два месяца ему.
И скорбит, томясь тоскою. «Как же тайну я открою?»
Не родишь себя собою. Не изменишь в солнце тьму.

Он задумался в сомненьи. Стал в глубоком размышленьи.
«Есть ли смысл мне в возвращеньи? Что ж могу сказать звезде?
Столько дней на вольной воле я блуждал в широком поле.
Что же я узнал? Не боле, как что нет его нигде.

Не вернусь же, будет нужно вновь искать мне, в честь
жемчужной,
Снова долгий путь окружный, и длиннейший, совершать.
Дни меж тем свершатся срока. Будет плакать ум и око.
Шермадин, скорбя глубоко, будет смерть мою вещать.

Он к царю пойдет. Заплачет. Нет меня, я умер, значит.
Мысль иная мне маячит, не хочу я скорби их.
Я везде искал, блуждая. Так не скроюсь, пропадая.
А вернусь». И он, рыдая, спутан в мыслях был своих.

«О, зачем, – сказал, – со мною ты дорогою кривою
Ходишь, боже? Всей землею я обманут на пути.
Или я искал напрасно? Мысль – гнездо, где все злосчастно.
Уж не будет в сердце ясно. Уж печалям не пройти».

Снова молвит: «Но терпенье лучше тяжкой мглы сомненья,
Смерть не ищет ускоренья. Да не давит грудь беда.
Что без бога здесь я значу? Лишь напрасно слезы трачу.
Если он не шлет удачу, не случится никогда.

Все, какие есть, созданья видел я среди скитанья.
Но о витязе том знанья не имел никто из них.
Не достигнешь цели стоном». Он спускается по склонам.
Тихо едет по зеленым побережьям вод лесных.

Ропот вод, дерев шуршанье будят в нем воспоминанье
О тщете его исканья. Он коня пускает в скак.
Сила длани истощилась. Гордость сердца замутилась.
Ширь долин пред ним открылась. Путь его еще далек.

Он решает возвращенье. Но сердечное мученье
Вздохи льет, воскликновенья. Он глазами мерит путь.

Целый месяц все сурово. Лица нет нигде людского.
Звери там, и звери снова. Стрел не хочет в них метнуть.

Но, хоть весь истосковался, сын Адама в нем сказался, —
Автандил проголодался. Застрелил дичину он.
Наземь сел над тростниками. Трав сухих сложил с сучками.
Высек пламень, огоньками для него костер зажжен.

Он коня пустил кормиться. Мясо жарится, дымится.
Вот к нему отряд стремится странных всадников, их шесть.
Молвил: «Бег коней отличен. Вид безвестных необычен.
Он разбойникам приличен. Что-то скрытое здесь есть».

Взял он в руку лук и стрелы, и предстал пред ними смелый.
Меж брадатых, онемелый, безбородый был ведом.
Он шатался, словно пьяный. Голова его от раны
Кровью искрилась румяной. Он казался мертвецом.

Витязь молвил: «Братья, кто вы? Увидав, как вы суровы,
Думал я – к добыче новой здесь разбойники спешат».
«Помоги нам», отвечали. – «Будь без страха, и в печали
Будь нам друг, чтоб мы рыдали, видя твой грустящий взгляд».

С опечаленными ими, как окутанными в дыме,
Речь ведет он. «Как вам имя?» Говорят они в ответ: —
«Без печали мы, три брата, жили-весело, богато,
Там, где крепость, ввысь подъята, в славном крае Кхатаэт.

Слышим, зверь есть для ловитвы. Снарядившись, как для битвы,
Мы отправились в гонитвы, взяв бесчисленных бойцов.
Мы стреляли с звонким криком, и в веселии великом
Взгляд остря на звере диком, мчались возле берегов.

Тех стрелков, что были с нами, мы срамили, не словами,
Метко бьющими стрелами. Утверждал любой из трех:
«Лучше я, чем ты, стреляю». – «Нет, я метче попадаю».
Спорам нет конца, ни краю. Кто же в споре будет плох?

Нагрузив олени шкуры на бойцов, весь строй их хмурый
С грузом той добычи бурой отпустили мы домой.
Всех защитников отправив, луконосцев лишь оставив,
Сердце вдосталь позабавив, все ж мы тешились стрелой.

Конским бегом пыль взметая, в зверя в скоке попадая,
Наша вся семья младая веселилась по лугам.
По лесам и по пещерам. Смерть оленям и пантерам.
Взвидим птицу в лете сером, вмиг падет, как камень к нам.

Споры, шутки, смехи, шумы. Вдруг мы видим: полный думы,

Витязь мрачный и угрюмый, на коне он вороном.
Как на сказочном Мерани. Шкура барсова на стане.
Лик красивый, от сияний, небывалым бьет огнем.

Мы глядим на лик блестящий. Трудно вынести свет горящий.
«Это молний блеск летящий. Это солнце на земле».
Так шептали в изумленьи. И хотели в дерзновеньи
Взять того, кто в огорченьи слезы лить нам дал во мгле.

Старший, я просил меньшого, пусть мне даст бойца лихого,
Средний просит вороного, младший просит боя с ним.
С младшим оба мы согласны. Да спешит он к схватке, страстный.
Витязь едет, весь прекрасный и ничем невозмутим.

Щеки грустного – как розы. На увядших видны слезы.
Нет в глазах его угрозы. Не заводит с нами речь.
Едет, взор к нам не склоняя. Но тому, кто встал, дерзая,
Участь им дана Лихая, – хлыст его упал как меч.

Отступив с дороги сами, мы смотрели, как пред нами
Едет он, – тут вдруг руками младший брат его схватил.
«Стой!» – вскричал он с дерзновеньем. Тот размеренным
движеньем
Поднял хлыст, одним раненьем брата на землю покати.

С рассеченной головою пал он, кровь бежит струею,
Как земля он стал с землею, – он, как труп, к земле готов.
Так сражен был дерзновенный, с прахом был сравнен
смиранный,
Он же скрылся прочь, надменный, – смел, и светел, и суров.

Нет, чтоб к нам оборотился. Тихо ехал, тихо скрылся.
Вон там блеск его явился. Видишь, солнце и луна».
Видят очи Автандила: – он, чей лик есть лик светила.
Быстро грусть в нем проходила. Значит, правда найдена.

Витязь молвит: «Бесприютный я скиталец, в поминутной
Грусти, с грезой попутной, я искал везде того.
Через вас он найден мною. Пусть господь своей рукою
Разлучит вас с скорбью злою. Сердцем так молю его.

Встретил я мое желанье, вижу сердца упованье.
Пусть вам бог пошлет даянья. Пусть излечится ваш брат».
Свой уют им показал он, и еду свою им дал он.
«Брат ваш ранен, и устал он, отдохнуть здесь будет рад».

Так сказал. С судьбой не спорил. Быстро он коня прищпорил.
Свой полет вперед ускорил, точно сокол в вышине.
Так луна горит младая, встречу солнца упреждая.

И заискрится золотая радость солнца по луне.

Но, подъехав, многодумный, он замедлился, бесшумный.
«Если речь начать, безумный может в ярость впасть вдвойне.
Мудрый трудное деянье совершит без колебанья,
И без спешки, твердость знания выявляя в тишине.

Если столь он ослепленный и в рассудке поврежденный,
Что и к речи, обращенной с добрым чувством, слеп и глух,
Мы, сойдясь, придем лишь к бою, – или я его рукою,
Или он сраженный мною, – вновь исчезнет он, как дух».

Автандил сказал: «Продленье колебанья и мученья
Бесполезно. Нет сомненья, не живет он без гнезда.
Пусть исчезнет предо мною, хоть за плотною стеною,
Где очаг его, открою и приду к нему туда».

День прошел и сумрак сходит. Полночь звезды хороводит.
Двое суток путь уводит их обоих все вперед.
И ни слова не сказали. И нигде не отдыхали
И не ели. Лишь в печали каждый витязь слезы льет.

Вот с вечернею зарею скалы встали над скалою.
В них пещеры над рекою. Возле влаги камыши.
Не исчислить их, считая. И к утесам припадая,
Мощь деревьев вековая воздымается в тиши.

В плащ одет пятнисто-бурый, витязь с барсовою шкурой
Въехал в мрак пещеры хмурой. Автандил же бег коня
Правит к дереву, осторожен. Слез. Проворный конь стреножен.
Стал кормиться, бестревожен. Вздох послышался, стена.

Автандил на ветке древа. Смотрит вниз он. Как из зева,
Из пещеры вышла дева, в черной мантии она.
С кликом слезы проливала, с плеском волн свой стон мешала,
И скитальца обнимала, и печальна, и нежна.

Грустный витязь молвил в горе: «О, сестра Асма! В уборе
Ночи! Мост наш рушен в море. Не найти нам той, что жжет».
И рука его терзала грудь его. И слез немало
Дева с грустным проливала. Каждый стонет в свой черед.

Рвут власы, и лес густеет. Юный кровью пламенеет.
Обнял деву и жалеет, а она о нем скорбит.
Стонут с плачем и мученьем. Стонет эхо повтореньем.
Автандил же с изумленьем на рыдающих глядит.

Дева первая устала. И хоть в сердце было жало,
Вороного провожала в глубь пещерную коня.

Расседлала. Также другу помогла снимать кольчугу.
И печальному досугу предались с закатом дня.

Автандил надивовался. Тут какой-то смысл скрывался.
«Как узнаю?» День занялся. Дева, в черном вся, как ночь,
Вышла, звякнула уздою, и воздушною фатою
Вытирает, не пустою хочет помощью помочь.

Подает бойцу доспехи. Он не медлит здесь в утехе.
Здесь ни радости, ни смехи неизвестны никогда.
Обнялись. Поцеловала. Снова было слез немало.
И, одна, глядит устало, вся – печаль и вся – беда.

Автандил бойца молодого пред собой увидел снова.
Облик солнца золотого промелькнул, заря ушла.
Дух красавца – дух алоэ. В нем бесстрашно ретивое.
Льва убить ему пустое, – так, как льву загрызть козла.

Тот же путь он выбрал ныне, что и раньше, по равнине.
Едет, дух предав кручине, проезжает тростники.
Автандил, смотря, дивился. Он меж веток древа скрылся.
«Бог на зов мольбы склонился. Здесь конец моей тоски.

Тайну выявить наружу деву я, схватив, принужу.
Кто тот витязь, обнаружу. Тайну ей скажу мою.
Бог дарует указанье. Не вступлю я в состязанье.
Не приму меча касанье, и его я не убью».

Полон кротости, не гнева, отвязал коня от древа,
Из пещеры вышла дева, услышавши стук копыт.
Грустной деве показалось, это – солнце возвращалось.
Радость в лице отражалась, зарумянилась, спешит.

Лик иной вдруг увидала. Сходства с прежним было мало.
С криком быстро побежала, чтобы спрятаться в скалах.
Витязь скок с коня проворно. Он схватил ее. Повторно
Слышен долгий крик. Упорно бьется птицею в сетях.

И взглянуть ей даже гадко на него. Орлина хватка.
Но трепещет куропатка, убегая от орла.
Тариэля призывая, плачет дева молодая.
Витязь молит, убеждая, чтоб в себя она пришла.

«Тише, – молвит, – нет здесь срама. Я же честный сын Адама.
Не грозит тебе здесь яма. Знаю я, как горячи.
Эти розы и фиалки. Знаю, как бледнеют, жалки.
Не жужжи, как ропот прялки. Умоляю. Не кричи.

О, не будь же беспокойной. А скажи, кто этот стройный

Кипарис красою знойной?» Падал наземь Автандил.
А она в тревоге шумной повторяла: «Ты безумный.
Если ж нет, заметь, что гумны цепь ни разу не пробил.

Сколь ты легок, вопрошая. Скрыта тяжесть здесь большая.
Но напрасно, поспешая, нудишь ты сейчас ответ.
Грусть чрезмерна, необычайна. Стон не вырвался случайно.
И на зов: «Скажи, в чем тайна», – я одно промолвлю: «Нет».

«Если б знала ты, откуда», – молвит он, – вникая в чудо,
Я пришел, тогда б отсюда не гнала с пустой рукой.
Пусть, тебе надоедая, я тесню тебя, но, зная,
Как молю я, убеждая, не робей же предо мной».

Дева молвит: «Кто ты? Что ты? Этот гнет зачем заботы?
Скал угрюмых повороты солнце скрыли от меня:
Ты пришел, морозный холод. Долгой речью ум расколот.
Хоть моли, хоть бей, как молот, – здесь не выманишь огня».

Вновь коленопреклоненья, уговоры, убежденья.
Тщетно все. От нетерпенья ярим гневом он зажжен.
На лице негодованье, крови брызнуло пыланье.
Деву за косы он дланью, к горлу нож приставил он.

Воскликает витязь страстно: «Что ж, я плакал здесь напрасно?
Так зловолье безучастно? Нас обоих не губя,
Быть не дай в мученьи строгом. Или, вот клянуся богом,
Смерть врагу, и пред порогом смерть тебе, убью тебя».

Дева молвит: «Цели силой добиваться – путь постылый.
Раз убил, – взята могилой. Тайну гроб укроет мой.
Почему, пока терзанья длятся, делать мне признанья?
Но убьешь, – для упованья заодно могилу рой».

И еще она сказала: «Или горя было мало?
Для чего меня искало это сердце? Для чего?
В языке нет сил, ни знанья, чтоб сказать повествованье.
Я – прочтенное посланье. Увидал, – порви его.

Знай, что смерть мне не лишенье. Прекратит тщету томленья.
В ней запруда для мученья. Что мне, если я жива?
Мир – мякина мне пустая. Но, тебя совсем не зная,
Как сказать мне, доверяя сокровенные слова?»

Витязь мыслит: «Эти речи, может быть, другим предтечи.
Но они еще далече. Как сплести вернее нить?»
Сел, заплакал. Молвит деве: «На меня ты, знаю, в гнев.
Злое семя было в севе. Это мне не пережить».

Дева в лике омрачилась. Еще сердце не смягчилось.
Витязь плачет. Все затмилось. Больше он не говорит.
Розоцветный сад светлеет. Нежный цвет росу лелеет.
Дева плачет и жалеет. Сердце грустному стремится.

Жаль ей витязя. Но дума непокорная угрюма.
Туча так струит без шума на деревья мрак теней.
И с чужим сидит чужая. Витязь, все в ней замечая,
Видит – вот она другая. На колено стал пред ней.

Говорит, склоняя вежды: «Рассердилась. Нет надежды.
Как без пищи, без одежды – здесь я. Вовсе не затми.
Мне шепнуло помышленье, что простишь ты прегрешенье.
Мы должны давать прощенье, и не раз, а до семи.

Хоть мое начало службы было дурно, почему ж бы,
Пожалев любовь, ты дружбы не явила мне сейчас?
Мне помочь никто не может. Сердце жизнь тебе предложит.
Все возьми. Но пусть поможет мне сестра на этот раз».

О любви его услыша, дева плачет, громче, тише.
Переменно так по крыше светлый дождь стучит весной.
Вырастает жалоб сила. Влага розу оросила.
Бог к желанью Автандила лик склонил приветный свой.

Мыслит он: «Она, бледнея, уж не роза, а лилея.
Верно любит». И смелея, снова молвит: «О, сестра!
В ком любовь ярит горенье, жалость к тем – без исключенья.
Враг тут знает сожаленья. Смерть в любви – всегда пора.

Я в любви, я влюбленный, словно разума лишенный.
Я, зарей моей зажженный, послан витязя найти.
Где я в поисках скитался, даже день не зажигался.
Сердцем я тебя дождался. Сердце дай мне обрести.

В мысли, в тайне сокровенной, он живет запечатленный.
Лик его как лик священный. Света нет душе моей.
Мчусь безумный в мир суровый. О, разбей мои оковы.
Дай зажечь мне жизнью новой, или, скорбь сгустив, убей».

Чувства полная иного, уж не так теперь сурово
Дева, глянув, молвит слово: «Больше здесь теперь добра.
Ты вражду сейчас посеял, и вражду, печалась, сваял.
Друга ты во мне взлелеял, я вдвойне тебе сестра.

Если, помощи желая, говоришь, к любви взывая,
Я тебе сестра родная, верь в усердную слугу.
Если сердца не явлю я, обезумленный, тоскуя,
Ты погибнешь. Пусть умру я, но тебе я помогу.

Так внимай моим внушеньям. Отнесись с повиненьем
К указаньям и веленьям, и придет конец беде.
Если ж слушаться не будешь, состраданья не пробудишь,
Достиженья не принудишь, и, скорбя, умрешь в стыде.

Хоть страдает сердце страстно, но другое – безучастно,
Если ты упрям напрасно. В чем твой долг, ты сам суди».
Витязь, речью довод строя, слово вымолвил такое:
«Где-то странствовали двое. Проходивший впереди

Пал в колодец, не выдавши. Задний, быстро подбежавши,
Вскрикнул: «Горе!» Повздыхавши, молвит другу: «Ты пожди,
Здесь помедли. Я же, ловкий, побегу, вернусь с веревкой,
И тебя моей сноровкой кверху вытяну, гляди».

Тот в колодце дивовался, снизу громко рассмеялся:
«А куда бы я девался? Расскажи, куда пойду?»
Так веревкою своею ты, сестра, обвей мне шею,
Без тебя я не сумею разрешить мою беду».

Дева молвит: «Речь угодна мне твоя, и с правдой сходна.
Витязь добрый, благородно мыслишь ты и говоришь.
Коль, блуждая в чужедали, знал такие ты печали,
Пусть тебе бы отдых дали, пусть ты боль свою смиришь.

Коль в исканьи неустанном хочешь сердцем постоянным
Знать о витязе том странном, о себе он скажет сам.
Кто так долго ждал, дождется и того, что он вернется.
Роза снегом не затрется. Не давай ее слезам.

Как зовемся здесь мы сами, знай, владея именами —
С безнадежными мечтами грустный витязь – Таризель.
Я – Асмат. Всегда сгораю. Нет тоске конца, ни краю.
Вздых ко вздоху подбираю, и стенаю как свирель.

О красивом, что на воле бродит, сетуя о доле,
Не могу сказать я боле, хоть желала б, ничего.
Тем кормлюсь, что беспокойный привезет с охоты знойной.
Может, вдруг вернется стройный. Может, долго ждать его.

Подожди. Как возвратится, может, сердце в нем смягчится.
С ним смогу я сговориться, и полюбит он тебя.
Сам тебе он все расскажет, сердце скорбное покажет.
И венки – твой разум свяжет – той, о ком скорбишь, любя».

Словно нежный звук напева, слушал он, как молвит дева.
Оглянулись, – слышен слева от прогалин всплеск воды.
Это месяц, весь лучистый, – приближался серебристый,

И они к пещере мглистой поспешают от звезды.

Дева молвит: «Витязь, горе бог твое рассеет вскоре.
Горьких слез иссякнет море. Спрячься там внутри скорей.
Всяк ему да подчинится, или злое приключится.
Может, гневность в нем смягчится, овладеть сумею ей».

В глубь пещеры Автандила дева в спешности сокрыла.
Витязь слез с коня. Светило стрел в колчане острие.
Меч его горит блестящий. Плачут оба. Чаще, чаще
Слезы льют. Поток дрожащий. Скорбь сильна. Не скрыть ее.

Грустный витязь с девой черной в скорби плакали упорной.
Был печален стон повторный. Автандил из-за угла
Видит все, сокрыт стеною. Повод взяв своей рукою,
Вороного за собою дева молча увела.

Автандил в тюрьме, но волен. Он уж больше не бездолен.
Здесь разгадка, – он доволен. Шкура барсова снята.
Он на ней сидит, суровый, витязь, знающий оковы
Тяжкой грусти вечно новой. Слез янтарна красота.

Тех ресниц, того агата ткань сквозная кровью смята.
Но добыча дня богата. Дева жарит дичь ему.
Не смотря, кусок он сунул в рот себе, жевнул, отплюнул.
Он не свеял, он не сдунул тень, что клонит ум во тьму.

Он прилег. Уснул. Но вскоре с болью тайной в разговоре,
Крик за криком, словно в хоре, устремляет он в борьбе.
Палкой в темя ударяет, камнем грудь обременяет.
Дева смотрит и терзает ногтем все лицо себе.

Плача, дева молвит слово: «Почему вернулся снова?
Что в пути ты встретил злого?» Витязь молвит ей в ответ:
«Там охотничьи забавы, царь какой-то в блесках славы.
Ловчих целые оравы. Зверя выследили след.

Вид людей мне был докучен. Крик людской был слишком звучен,
В лес я спрятался, измучен, прочь отпугнутый толпой.
Не погонятся за мною, – завтра выеду с зарею».
Дева с новою тоскою смотрит, взор блестит слезой.

Говорит ему: «Лишь в чаще твой товарищ – зверь рычащий.
Степь кругом и лес молчащий. Горы в сумрачной тени.
В чем имеешь развлеченье? И кому свое томленье
Доверяешь в миг сомненья? Ты напрасно губишь дни.

Сколь обширна ширь земная. Где же та душа родная,
Чтоб, тебя не раздражая, быть с тобою в беге дней?

И, впадая в раздраженье, не уменьшил ты мученья.
Коль умрешь, тут нет спасенья. Этим как поможешь ей?

Он сказал: «Сестра, в певучей речи – свет, как свет есть в туче.
Но для этой раны жгучей на земле бальзама нет.
Пусть уж станет смерть пределом, чтоб душа расталась с телом.
Стихну сердцем онемелым. Будет в этом нежный свет.

Где под тою же планетой дух явился, в плоть одетый?
Песни, тем же звуком спетой, где знакомая игра?
Кто мои тяготы примет? Тяжесть доли приподымет?
Одного лишь не отнимет мрачный рок – тебя, сестра».

Дева молвила с мольбою: «Если мне перед тобою
Суждено моей судьбою быть как визирем тебе,
Не могу скрываться, зная. В том, что крайность, сила злая.
Ты же все пределы края перешел в своей борьбе».

Витязь молвит: «За твоими здесь словами все как в дыме.
Что сказать ты хочешь ими? Говори ясней со мной.
Как найти могу такого, чтобы в нем была основа?
От страдания немного сам я стал как зверь лесной».

Дева молвит снова: «Знаю, я тебя обременяю.
Но тебя я вопрошаю: если б я нашла кого,
Кто своею доброй волей жить твоей хотел бы долей,
Жить с тобой среди раздолий, – ведь не ранишь ты его?»

Отвечает: «Сердцем буду только радоваться чуду.
Той, которой не забуду, кем безумно брежу я,
С ним клянусь я быть любезным, не коснусь мечом железным,
Как звезде в луче созвездном – вот ему любовь моя».

Дева вышла. Автандила ободряя, говорила:
«Он не гневен». Приходила вместе с ним рука с рукой.
Как звезда с луною ясной. Тариэль четой согласной
Восхищен: «Здесь лик прекрасный солнца с утренней зарей».

Тариэль пред Автандилом как светило со светилом.
Свет по тучкам среброкрылым плавит солнце и луна.
Перед ними алоэ – точно дерево любое.
Семь планет в небесном рое – их краса нежна, сильна.

В чем еще найти сравненье? Вот, не чувствуя смятенья,
Хоть чужие, без смущенья, будто были дружны встарь,
Обнялись, поцеловались, розы губ их раскрывались.
Гиацинты изменялись, обращен рубин в янтарь.

Тариэль, схвативши руку Автандила, вылил муку

В токе слезном. Ту науку четко знал и Автандил.
Шепчет им Асмаг внушенья, диво-слово утешенье:
«Да не будет вам затменья. Небо мертво без светил».

Словно утренним морозом холод чуть прошел по розам
Таризля. Все же грезам дух его еще открыт.
Говорит: «Ответь скорее. Кто ты? Что в уме лелея,
В мир пошел ты? Я, бледнея, даже смертью здесь забыт».

Автандил ему, учтивый, в речи мерной и красивой,
Говорит ответ правдивый: «Таризель! Смелчак и лев!
Я – араб и приближенный. Край арабов благовонный
Я оставил, весь сожженный, на огне любви сгорев.

Дочь царя, царицу ныне, я люблю. Тебя в кручине
Видел я давно. В пустыне то случилось лесной.
Вспомни день, когда ты, сильный, смерти дал улов обильный, —
Устремивши в мрак могильный нападавших целый рой.

На равнине ты томился. На тебя мой царь гневился.
В ссоре этот гнев излился. Звали мы, но медлил ты.
Звали мы тебя трикраты. За тобой пошли солдаты.
Расцвел ты цвет богатый, все кровавые цветы.

Ты, меча не обнажая, лишь с плеча свой хлыст вздымая,
Ранил, череп рассекая, – свист, и пасть бойцы должны.
Царь в погоню, но в мгновенье ты сокрылся, как виденье.
Всех объяло изумленье. Были мы поражены.

В скорби царь был ночи равен. Разум царский своенравен.
Захотел, чтоб был ты явен, обнаружен перед ним.
Розыск шел, и ходом ярим. Все старанья были даром.
И ни юным ты, ни старым не был ведом, был незрим.

Тут она меня послала, та, пред кем и солнце мало,
Не вполне сияет ало, кто нежнее, чем эфир.
Говорит: «Узнай об этом солнцеликом». И с обетом —
«Все, что хочешь» – как с заветом, я пошел в широкий мир.

Три мне года было срока. Без нее скорбел глубоко.
Я скитался одиноко. Но никто тебя не знал.
Повстречались мне три брата. И на них была подъята
Длань твоя. Страшна расплата. Старший все мне рассказал».

Бой давнишний, что напрасно начат был, припомнил ясно
Таризель, и все, согласно с точной правдой, влил в слова.
Молвил: «Четко помню дело. Хоть уж много пролетело
Дней с давнишнего предела, память их еще жива.

Вы охотничьи забавы длили, полны гордой славы.
Утоптали всюду травы. Я же плакал над рекой.
Мыслил я о том, чья сила счастье сердца погубила.
Что вам трогать нужно было сердце, взятое тоской?

В этом сумрачном пределе от меня чего хотели?
Сколь несхожи в самом деле смех – и слезы на щеках!
Вы схватить меня желали. К потонувшему в печали,
Вы рабов ко мне послали. Что же? Спят они в гробах.

Раздались повсюду крики. Оглянулся, вижу лики.
Жаль царя мне, – и, владыки не коснувшись, скрылся я.
Конь бывает мой незримым. Он исчезнуть может дымом.
Как о нем, неукротимом, скажет лучше речь моя?

Не моргнешь, в мгновенье ока вот уж я совсем далеко.
Те, напавшие, жестоко пострадали от меня.
Только дерзкие посмели, длань качнул я еле-еле,
Руки их оледенели, дерзновенный пал, стена.

Ты же с помыслом достойным, солнцеликим, солнцезнойным,
Кипарисом встал здесь стройным, ты, испытанный во днях.
Знаешь, что есть сердца смута. Но не каждая минута
Даст того, чье бремя пута – бог, забывший в небесах».

Автандил сказал: «Меня ли будешь ты хвалить? В печали
Непоблекшему пристали все высокие хвалы.
Мне ль с тобой идти в сравненье? Лик небес, что пал в теченье
Дней земных, чрез помраченье ты прошел – не взявши мглы.

Ныне та, чей блеск и сила сердце мне в любви затмила,
Мной забыта. Чтоб служила лишь тебе душа, хочу.
Гиацинт горит прекрасно. Но хочу эмали страстно.
Вплоть до смерти, полновластна, ты. С тобой служу лучу».

Таризель сказал: «Смущенный, пред тобой я – изумленный.
У тебя, в душе зажженной, вижу, огонь – ко мне зажжен.
Что в отплату ты имеешь? Ведь о милой пламенеешь.
Но влюбленного жалеешь, как влюбленный. В том – закон.

Госпоже своей – примерный был слуга ты в службе верной.
Бог дорогой достоверной вел тебя. Мы здесь сидим.
Как же только я сумею поделиться той моею
Тайной? Чуть в словах я с нею, – буду пламя, буду дым».

Таризель молчал мгновенье. Был он весь воспламененье.
И Асмаг его реченье: «Только твой со мной был лик.
Что ж меня так знаешь мало? Разве вынешь это жало?
Но – и в нем печаль пылала. Я пред витязем – должник».

Он промолвил к Автандилу: «Посвящая брату силу,
Должно смерть принять, могилу. Здесь утрата не страшна.
Губит бог одной рукою, чтоб спасти кого другою.
Что бы ни было со мною, расскажу я все сполна».

Он сказал Асмат: «Пока я буду, мысль свою терзая,
Речь вести, быть может, злая пытка чувств лишит меня.
Ты мне грудь облей водою. Труп же видя пред собою,
Плачь, стеная надо мною, плачь, могилой затеня».

Стал готовиться он к речи. Расстегнулся. Наги плечи.
Был как солнце, что далече, с потухающей зарей.
Роза уст сверкнуть бессильна. Губы сжаты. Скорбь могильна.
Вскрикнул. Слезы льют обильно. Влажный огонь бежит струей.

Простонал. «Любовь! Родная! Мысль моя! Виденье рая!
С древа жизни ветвь живая! Чьей ты срезана рукой?
Столько раз воспламенилось, сердце, ты. Так больно билось.
Как же не испепелилось до сих пор в борьбе такой!»

5. Сказ Таризля о себе, когда он впервые сказал его Автандилу

Так даруй же мне вниманье. Я скажу повествованье,
Чувства выявлю, деянья, – уж таких не будет вновь.
Я не жду от той покоя, кем я брошен в пламя зноя,
Ей безумен, мрак свой строя, изливаю током кровь.

Знаешь ты, и всем известно, семь есть в Индии чудесной,
Семь царей. Но повсеместно Фарсадану – шесть корон.
Он властитель был великий, смелый, пышный, львиноликий,
Вождь царей и в битве дикой предводитель воинств он.

Царь седьмой, и с нравом рьяным, был отец мой, Сариданом
Звался он. Пред вражьем станом не был, гибельный, вторым.
Кто имел бы дерзновенье, явно ль, тайно ль, оскорбленье
Нанести тому, чье зренье, как копье, пронзит и дым.

Не любя уединенья, он любил охоту, пенье,
Принимал судьбы решенье, не заботясь ни о чем.
Но с грозой идут темноты, и к нему пришли заботы.
Вопросил себя он: «Кто ты?» И сказал: «Беру мечом».

В крае все храню я части от врагов и от напасти.
Недруг прогнан. Тверд во власти я царю, и блеск мне дан.
Так пойду же к Фарсадану, пред властительным предстану.
Перед ним склоняюсь, я встану, новым светом осиян».

Принимает он решенье. Фарсадану извещенье
Шлет: «Всей Индией правленье надлежит царю, тебе.
Сердцем всем и всей душою, ныне я перед тобою
Говорю: твоим слугою буду в славе и в борьбе».

Фарсадан, услыша это, полон радости привета.
Слово шлет ему ответа: «Бога я благодарю.
Царь ты Индии венчанный, как и я. Когда нежданный
Дар мне шлешь, ты мне желанный. Молвлю брату и царю».

Царством чтит его, как даром. Назначает амирбаром,
Также амирспасаларом, – полководец главный то.
Правя властью полноправной, царь он не самодержавный,

С главным в этом лишь не равный, а в другом над ним никто.

Моего отца с собою равным царь считал. Порою
Молвил: «Горд моей судьбою: где такой есть амирбар!».
То в охоте беспокойной, то в войне и битве знойной,
Все вдвоем четою стройной. Знак был в нем особых чар.

Я – не он. Хоть благородство есть во мне мое. Но сходства
Нет меж двух. И превосходство было в нем свое всегда.
Был бездетен царь с царицей, хоть лучистой, грустнолицей.
Оттого своей сторицей за бедой пришла беда.

Горе! В час, огнем богатый, гроз готовятся раскаты.
Амирбару в день проклятый был дарован я как сын.
Царь сказал: «Того же рода он, что я, – одна природа.
Пусть он, – в этом мне угода, – возрастет как властелин».

Царь меня с царицей взяли, как свое дитя. Печали
Я не знал. Меня качали, пели ласковый напев.
Люди мудрые учили, возвращали в царской силе.
И как солнце был я или как встряхнувший гриву лев.

Я к Асмат сейчас взываю. Если ложно, что вещаю,
Ты скажи. Я утверждаю, что когда пяти был лет,
Нежной розой я светился, льва убить не тяготился,
Фарсадан уж не мрачился, что родного сына нет.

Бледен. Крови в лике мало. Но Асмат рассвет мой знала,
Знает, как заря блистала, расцветая юный день.
Хороша краса младая. Говорили: «Он из рая».
А теперь я что? Немая мгла того, что было. Тень.

Пять годов – как свет зарницы. А у царской роженицы,
Дочь родилась у царицы». Юный горестно вздохнул.
Грустный взор блеснул слезою. Обомлел он, взят тоскою.
Грудь Асмат ему водою освежила. Отдохнул.

Молвил: «Сила огневая, что горит во мне сжигая,
И тогда была золотая. Мой бессилует язык
В похвалах. Пред Фарсаданом, торжествующим, румяным,
Все цари – в усердьи рьяном. Многократный дар велик.

От царей дары богаты. Светлой радостью объаты,
Принимают их солдаты. Гости – в празднестве живом.
Царь с царицей, нас лелея, смотрят вдвое веселее.
Имя той скажу, что, рдея, сердце мне сожгла огнем».

Имя вымолвить он тщится. Взор сверкнет, и взор затмится.
Чувств лишится. Пот струится с побледневшего чела.

В пытке, с этой пыткой схожей, Автандил тоскует тоже.
Тот очнулся. Молвит: «Боже! Ныне смерть моя пришла.

Девы, лик чей светит ало, что семи годов блистала,
Что луной и солнцем стала, имя – Нэстан-Дарэджан.
С нежной, с ней терпеть разлуку, как такую вынести муку?
Защитишь алмазом руку, – сердцу ж где алмаз тот дан?

Так в поре своей напевной возросла она царевной.
Я возрос, чтоб в бой стозевный устремить горячий взгляд.
Вновь к отцу попал я в руки. В мяч играл, был ловок в луке.
Силен в воинской науке. Львов сражал я, как котят.

Царь воздвиг дворец. Как чара, в нем чертог из безоара,
Из рубинового жара, гиацинтов вырезных.
Для нее. А перед домом – садик малый с водоемом.
Розы в зеркале знакомом длили пламень грез своих.

Днем и ночью, пряном зное, из кадилниц в том покое
Дымы синие алоэ, желтых пламеней игра.
То в саду она, где тени, то на башне, в сладкой лени.
В этой светлой мигнов смене няня – царская сестра.

Овдовевшая в Каджэти, с ней Давар. Не жестки сети.
Дева в ласковом привете научается уму.
В том чертоге озаренном, от других отъединенном,
Дева в мире благовонном провожает день во тьму.

За завесой, как из дыма золотистого, хранима,
За парчой она незримо возросла, кристалл-рубин.
С ней Асмаг и две рабыни. Вместе игры без гордыни.
Расцвела, как цвет в пустыне и как дерево долин.

Мне пятнадцать лет уж было. Сердце было полно пыла.
Воля царская взрастила как царевича меня.
Силой лев и солнце взглядом, как взлелеян райским садом,
Предавался я отрадам: стрелы, меч и бег коня.

С тетивы стрела летела, – бездыханно было тело
Птицы ль, зверя ли. И смело попадал я в цель мячом.
Пирование без срока. Но отдельно, волей рока,
Был от той, что огнеока, с светло-розовым лицом.

Знают смерть и властелины. Умер мой отец. Кончины
Этой день был день кручины для верховного царя.
Скорбь застыла в Фарсадане. Умер – страшный в вихрях брани.
И восторг – во вражьем стане. Льва страшились не зря.

Уничтоженный судьбою, целый год я был тоскою

Омрачен, как цепкой мглою, неутешенный никем.
Вдруг придворные предстали, и приказ мне царский дали:
«Таризель, не будь в печали. Уж конец рыданиям всем.

Тосковали мы и боле о печальной нашей доле.
Не минуешь божьей воли. Всем приходит нам конец.
Траур кончен. С веком старым день приводит к новым чарам.
Будь отныне амирбаром, и служи нам, как отец».

Вспыхнул я, воспламенился. По отце горел, томился.
Рой придворных преклонился, выводя меня из мглы.
И индийские владыки до меня склонили лики,
Как родители, велики, но любовны и светлы.

Близ своих сажали тронов, возвещали власть законов,
Чтоб служил я без уклонов, долгу весь отдав свой жар.
Я упрявился, страшился заменять отца. Но длился
Спор недолго. Подчинился. Отдал честь – как амирбар».

6. Сказ Тариэля о том, как он полюбил, когда впервые он полюбил

Подавив свои рыдания, он продлил повествованье.
«В некий день, – воспоминанье жжет, ему не скрыться прочь,
От забав, охоты дикой я домой пришел с владыкой.
Он сказал мне, светлоликий: «На мою посмотрим дочь».

Руку взял мою... Ужели не дивишься в самом деле,
Что душа осталась в теле, вспоминая эти дни?
Сад увидел я блестящий. Голос птиц там был журчащий.
Не споеет сирена слаще. Водовет струил огни.

Ароматы розы сладки. Ткань над дверью. Златы складки.
Те лесные куропатки, что с охоты нес с собой,
Ей отдать – царя веленье. Тут мое воспламененье.
Здесь начальный миг служенья. Долг, назначенный судьбой.

Чтобы сердце из гранита было чем-нибудь пробито,
Что найдешь? Но жало свито – алмазным копьем.
Царь, я ведал, не желая, чтоб была его золотая
Кем увидена, сдвигая ткань завесы, входит в дом.

Я стоял в саду, пред домом, возле роз над водоемом,
Сердцем отданный истомам ожидания и чар.
Слышит ухо шелестенье, речь Асмат и повеленье
Дать царевне приношенья, что подносит амирбар.

Колыхнулась ткань волною. За завесой той дверною,
Вижу, дева предо мною. В сердце мне вошло копье.
И Асмат взяла добычу. Я же вспыхнул. Вечно кличу:
«Жар! Горю!» Но возвеличу тем лишь рденье мое».

Тот, что солнечного света ярче был, сказавши это,
Не найдя на вскрик ответа, пал, издавши горький стон.
Автандил с Асмат рыдали, горы эхо повторяли.
В мрачной молвили печали: «Всех сражавши, сам сражен».

Вновь обрызган он водою. Сел, объят кручиной злою,
Стонет. Льется за слезою щеки жгущая слеза.
«Горе мне!» – его реченье. – «Сколь великое волнение!»

Только вспомню, – помышленье, мысль о ней мне, как гроза.

Я недаром горько плачу. Тот, кто верует в удачу,
Знал восторг – и скорбь в придачу: обольстит, – чтоб обмануть.
Мудрость тех скорей хвалю я, кто не жаждет поцелуя
От судьбы. Все доскажу я, коль смогу еще вздохнуть.

Были взяты куропатки. Я ж, исполненный загадки,
Не бежал я без оглядки, – наземь рухнул бездыхан.
Как пришел в себя, рыданья вокруг меня и восклицанья,
Словно звуки провожанья, мой корабль – до дальних стран.

В пышной я лежу постели. Царь с царицею сидели возле.
Плач – как звук свирели. Стоны слиты в долгий гул.
Щеки ранят. Кровь струею. И муллы сидят толпою.
Говорят, что надо мною колдовал Вельзевул.

Увидав, что жизнь лелею я еще, меня за шею
Обнял царь рукой своею: «Сын! Хоть слово мне одно!»
Страхом взятый исступленным, снова чувств я был лишенным.
Кровь потоком разъяренным в сердце канула на дно.

А в молчании глубоком все муллы следили оком,
Знак какой здесь послан роком. Был в руках у них коран.
«Недруг рода здесь людского», – таково их было слово.
Трое суток чуть живого, жег огонь, и был он рдян.

Меж врачей опять сомненье и одно недоуменье:
«На такой недуг леченья – нет. Печаль владеет им».
Прыгал, как умалишенный. Речь была лишь бред сплетенный.
Слезы в горести бессонной льет царица. Дни – как дым.

Трое суток во дворце я был, меж смертью-жизнью рея.
Ум вернулся. Разумея, что случилось со мной,
Я сказал: «Увы! Лишенный жизни, призрак я смущенный».
И в молитве вознесенной вскрикнул я: «Создатель мой!

Узри терны затрудненья, и услышь мои моленья.
Дай мне сил выздоровленья. Встать с постели дай мне сил.
Тайну здесь я ненароком расскажу в бреду глубоком».
Бог услышал. С должным сроком раны сердца закалил.

Я сидел. К царю послали с вестью: «Кончены печали».
Царь с царицей прибежали. Смотрят с лаской на меня.
С головою непокрытой царь стоял, в молитве – слитый.
С ней, царицей, и со свитой. Бог щедротен, нас храня.

Сели оба. Подкрепился пищей я. И оживился.
Молвил: «Царь! Возвеселился дух во мне. Я стал сильней,

Я хочу увидеть поле. На коне скакать на воле».
Царь со мной среди раздолий. Мчимся мы в простор полей.

Конский дух исходит паром. По речным проехав ярам,
Мы вернулись к базарам. Возвратился я домой.
Царь простился у порога. Вновь недуг нахлынул строго.
«Что мне ждать еще от бога? Смерть нависла надо мной».

То лицо, что было рдяно, стало ныне цвет шафрана.
В сердце режущая рана, десять тысяч в нем ножей.
Вот привратник в дверь вступает, к управителю взывает.
«Весть какую этот знает? Тот ли мне принес вестей?»

«Раб Асмат пришел». – «Зови же». – Он вошел. Подходит ближе.
Поклонился низко, ниже. И посланье подает.
В буквах строк – огонь влюбленный. Я читаю изумленный.
В сердце я другом – зажженный. И в моем – огней полет.

Возрастает удивленность. Как сумел зажечь влюбленность?
И откуда непреклонность – изъяснение в строки влить?
Надлежит здесь послушанье. Обвинила бы молчанье.
Написал в ответ посланье, свивши слов цветную нить.

Дни пришли и миновали. В сердце, знающем печали,
Рденья пламени сгорали. Не ходил я в стан бойцов.
Не являлся ко двору я. Принимал врачей, тоскуя.
Мир, однако, жил, ликуя, дань беря моих часов.

Ничего врачам не зримо. В сердце точно сумрак дыма.
Чем печальное палимо, не узнал никто из них.
«Кровь, – сказали, – в ней пыланье». Царь велел кровопусканье
Сделать мне. Чтоб скрыть страданье, дал коснуться рук моих.

Кровь пустили, капли рдели. Грустный, я лежал в постели.
Раб пришел. Мол, речь о деле. – «Что такое?» – «Раб Асмат».
«Приведи». А про себя я размышляю, вопрошая:
«В этом всем она какая, и к чему ведет мой взгляд?»

Раб вручает мне посланье. Весь исполненный пыланья,
Я читаю указанье: «Нужно мне сейчас прийти».
Отвечаю: «Поскорее. Час торопит. Не робей,
Приходи ко мне смелее и не медли на пути».

Я сказал себе: «Сомненья для чего, когда стеченье
Всех минут дает решенье? Я же царь и амирбар.
Все индийцы мне подвластны. Так не буду я несчастный.
Коль узнают, бурей страстной не такой зажгут пожар».

От царя гонец спешащий. Вопрошает: «Как болящий?»

«Кровь пустили. В настоящий час отрадней мне дышать.
Я к тебе хочу явиться. Мне пристало веселиться.
Лицезреньем насладиться будет радость мне опять».

Ко двору пришел. «Уж боле, – царь сказал, – не будь в неволе».
На конях мы едем в поле. Без колчана, без меча.
Сокола летят как стрелы. Куропаток рой несмелый
Вьется рябью серо-белой. И стрелки спешат, крича.

Тем, что были на равнине, дома пир веселый ныне.
Камень красный, камень синий многим дан, как дар, царем.
И конечно уж свирели в этот день не онемели.
Песнопевцы звонко пели. Шум веселия кругом.

Я борьбу с самим собою вел, но взят тоской был злою.
В сердце огненной волною мысль о ней и мысль о ней.
Пламень – током беспокойным. Я сидел в кругу достойном.
Пил. Зовут – алоэ стройным. Пировал среди друзей.

Вдруг я вижу казначея. Шепчет на ухо: «Робея,
И покровами белея, амирбара ждет одна,
Кто-то». Скритность восхвалил он. Я велел, чтоб проводил он
В мой покой ее. Укрыл он там ее. И ждет она.

Встал. Друзья хотят прощаться. Я прошу их не стесняться,
Пировать, увеселяться. «Я сейчас вернусь сюда».
Раб стоял в дверях на страже. Трепеща, как пойман в краже,
Я вхожу, и в сердце даже не могу унять стыда.

Женский призрак, как виденье. Изъявляет знак почтения.
Говорит: «Благословенье тем, кто может быть с тобой».
Я дивлюсь на восклицанье. «Нет уменя в ней и знанья,
Как любовное признание скромно выразить душой».

Говорит: «Изнемогая от стыда, пришла сюда я.
Мыслишь – мысль во мне есть злая. Но пришел сюда, спеша.
Уповаю я и верю, что простишь стыда потерю.
Этим спехом – счастье мерю. Успокоилась душа».

Говорит: «Мое реченье ты прими без подозренья.
Исполняю повеленье – той, в чьем сердце страх тебя.
Госпожи моей желанье, вот откуда то дерзанье.
Принесла тебе посланье. Слово скажет за себя».

7. Первое послание, которое Нэстан-Дарэджан написала своему возлюбленному

Я взглянул. Прочел посланье от нее, к кому пыланье.
Луч писал слова-сиянья: «Лев! Ты ранен. Рану скрой.
Я твоя. Не гасни в мленье. Ненавижу расслабленье.
Пусть Асмат мои реченья повторит перед тобой.

Тоскованье, помиранье, это ль страсть, любви деянья?
Лучше – той, к кому пыланье, мощь свершения яви.
С Кхатаэти ждем мы дани. А они, таясь в обмане
И в зловолюи, ищут брани. Эту дерзость оборви.

Еще прежде помышленье мне внушало обрученье.
Не нашла для говоренья я минуты до сего.
Словно насмерть пораженным и ума совсем лишенным,
Зрела я тебя взметенным. Зол недуг. Срази его.

В путь же. В бранные забавы. Да узнают их кхатавы.
И вернись в сиянья славы. Это лучше, говорю.
Так не плачь. Чтоб не снежила влага – роз. От солнца – сила.
Посмотри, я обратила ночь темнот твоих в зарю».

8. Первое послание, которое написал Тариэль своей возлюбленной

Сам я видел эти строки. И ответ, не медля в сроке,
Написал: «О, свет высокий, пронизавший синеву.
Лунноликое свеченье. Лишь тебя хочу в горенье».
Был я точно в сновиденьи. И не верил, что живу.

Я сказал Асмат: «На это больше нет сейчас ответа.
Молви ей: «Ты солнце лета. Ты взошла, и светел я.
Мертвый, знаю воскресенье. В чем бы ни было служенье,
Позабыв изнеможенье, я служу. В том жизнь моя».

Говорит Асмат: «Сказала мне она: «В том смысла мало,
Чтобы весть о том блуждала. Пусть не знают ничего.
Любит пусть тебя для виду, не вменяя то в обиду.
Он придет, к нему я выйду, встречу должно я его».

Я внимал словам совета. Мне казалось мудрым это.
Та, что солнечного света не пускала в свой покой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.